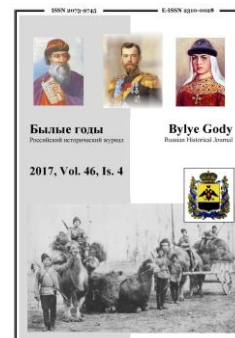

Copyright © 2017 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.
Copyright © 2017 by Sochi State University

Published in the Slovak Republic
Co-published in the Russian Federation
Bylye Gody
Has been issued since 2006.
ISSN: 2073-9745
E-ISSN: 2310-0028
Vol. 46, Is. 4, pp. 1534-1545, 2017
DOI: 10.13187/bg.2017.4.1534
Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 94(510.1)

The Role of Russian Diplomatic Mission in Beijing in Safeguarding Russia's Interests in the Establishment of the Statehood of Barga (1912–1915)

Pavel N. Dudin ^{a, *}

^a East-Siberian State University and Technology and Management, Russian Federation

Abstract

Self-appointed states began to emerge in the vast territory of Inner Asia with the collapse of the Qing Empire and the outbreak of the Xinhai Revolution in October 1911, one of such states was Barga (Hulunbuir). For that same period, the position of Russia in the Far East became relatively stable, after the uncertainty caused by the loss in the Russo-Japanese War. Secret agreements between Russia and Japan determined the position of Barga, as well as of Outer Mongolia, in the sphere of interests of Russia, but the new Chinese authorities looked at that situation from a different angle. In this regard, the ability of Russia to display political will and to show the international community the ability to achieve its goals became very important. V.N. Krupensky headed the diplomatic mission in Beijing that had the leading role in this process. The success to ensure the interests of our country by any acceptable means depended on Krupensky, his will, his sense of duty and the steps he took. The elaboration and harmonization of the position and conditions under which Russia returned Barga to China's state sovereignty, wisdom and foresight in cooperation with the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Empire, rigidity in cooperation with the representatives of the Chinese foreign policy department, flexibility - with the new authorities of Barga allowed Russia strengthen its positions in the region, protect own interests and the interests of its subjects, demonstrate the partners the ability to reach a cut by peaceful means. Extensive diplomatic correspondence allows a wide audience of scientists to look at the process under study from the other side and show the complexity and drama of the political situation in which the Russian diplomatic mission fulfilled its tasks.

Keywords: East Asia, international treaty, China, Mongolia, Russian diplomatic mission in Beijing, Strategic presence, security of Russia.

1. Введение

Проиграв русско-японскую войну 1905-1906 гг., Россия оказалась в очень сложном положении. С одной стороны, Россия была вынуждена пойти на уступки по ряду принципиальных вопросов, касающихся как политических, так и экономических вопросов: было утрачено влияние в регионе, потеряна южная часть Китайско-Восточной железной дороги (далее – КВЖД) и Квантунская область. С другой стороны, проигрыш показал слабость, демонстрировать которую в сложившихся на тот момент условиях было крайне опасно, и речь шла не только и не столько о Китае, который также был слаб – западные державы могли воспользоваться этим для окончательного удаления России из региона. Решать вопросы военным путем страна не могла, в связи с чем особая ответственность ложилась на дипломатический корпус, который должен был как вернуть престиж и влияние страны, так и защитить те интересы, которые были сохранены и учтены Японией. Это особенно четко видно из текстов секретных соглашений, а также дипломатической переписки, материалы по которым стали доступны широкому кругу ученых после Октябрьского переворота 1917 г. Ключевая роль в решении поставленных задач была возложена на дипломатический корпус, чей персонал не только всегда

* Corresponding author

E-mail addresses: dudin2pavel@gmail.com (P.N. Dudin)

отличался блестящей подготовкой, знанием региона и ключевых политических деятелей, но и был сложен из настоящих патриотов, готовых применить все возможное и невозможное для защиты интересов своей Родины.

2. Материалы и методы

2.1. Материалы исследования включают в себя данные из Архива внешней политики Российской империи (АВПРИ. Ф. Китайский стол. Оп. 491. 1912-1915. Д. 3443. Л. 54-57); результаты исследований, опубликованных в периодических изданиях как Российской империи (Нольде, 1915; Речь..., 1914), так и эмигрантского сообщества (Баранов, 1926); сборники договоров (Гримм, 1927) и других документов по истории международных отношений на Дальнем Востоке (Международные отношения..., Т. 1..., 1931 и т.д.).

2.2. В ходе исследования для достижения целей применялись компаративный анализ позиций российской, китайской и баргутской стороны, способов их обеспечения; ситуационный анализ позволил сопоставить стратегии и действия основных участников этого процесса в изучаемый период; системный подход позволил оценить политическую ситуацию в регионе как комплексный сегмент общей международной ситуации сквозь призму сочетания условий и обстоятельств политической жизни. Помимо этого, в ходе исследования мы опирались на ряд концепций, актуальных для своего времени (подход к государственному суверенитету, субъектов международных отношений и т.д.). Поскольку с момента окончания Второй мировой войны миропорядок претерпел значительные изменения, с нашей точки зрения, возникла необходимость обратиться к научным позициям, современным рассматриваемым событиям, чтобы нынешняя политическая и международно-правовая действительность не препятствовали объективному пониманию международной ситуации в изучаемый период.

Целью статьи явилась историко-политическая оценка деятельности русской дипломатической миссии в Пекине по обеспечению национальных интересов России в Северной Маньчжурии путем изучения процесса формирования позиции Российской империи в отношении международно-правового статуса округа Хулунбуир (Барга) в период между 1912 и 1915 гг.

3. Обсуждение

Научные изыскания в выбранной сфере носят фрагментарный характер и направлены либо на изучение русской эмиграции в Маньчжурии (правовое положение, образ жизни, учреждения, школы и т.д.), либо на исследование КВЖД и ее роль в формировании и существовании русской эмиграции. Редкие труды, предметно посвященные российской политике в Восточной Азии, лишь мимоходом затрагивали вопросы обеспечения стратегических интересов нашей страны на Дальнем Востоке. Так в работе Н.Е. Абловой (Аблова, 2005) основной упор сделан на положение русской эмиграции, при этом и российская дальневосточная политика, и инструменты ее обеспечения анализируются через обозначенный предмет. В труде О.В. Вишнякова (Вишняков, 2007) роли КВЖД в геополитической стратегии России на Дальнем Востоке посвящен отдельный параграф, однако речь в нем идет об уже изученных и описанных проблемах и преимуществах включения в состав России дальневосточных окраин, об обострении противоречий между ведущими мировыми державами из-за передела колоний и сфер влияния в регионе, а также о поверхностном анализе внешней политики ряда западных стран в Китае (США, Великобритания, Германия, Япония и др.), причем с использованием устаревшей советской терминологии и клеше (напр. «...активизировали захватническую политику...», «...японские милитаристские круги...» и т.д. В.П. Казанцев (Казанцев, 2015) рассматривал создание и совершенствование систем управления арендованными российскими территориями как часть решения т.н. «Маньчжурского вопроса», в канве преимущественно обеспечения функционирования КВЖД, уделяя внимание арендованным территориям, не затрагивая другие институты и не прослеживая их политическую судьбу и причины прекращения деятельности. В ряде случаев соавтор В.П. Казанцева (Салогуб, Казанцев, 2015), в ряде случаев – самостоятельный автор, Я.Л. Салогуб (Салогуб, 2015), сосредотачивает научное внимание на российском Дальнем Востоке, а в вопросах, касающихся обеспечения российских интересов в Китае, уделяет внимание инструментам на тех же арендных территориях без глубокого сравнения и сопоставления.

Определенный интерес вызывают предметные работы по Барге (Бадмаева, Нимаев, 2013; Нацагдорж, 2012; Ордынская, Козыренко, 2017; Цыбенков, 2017), однако они носят историко-антропологический характер. Таким образом, в отечественной науке крупных работ по изучению вопросов, связанных с российскими национальными интересами на Дальнем Востоке и инструментами их обеспечения на сегодняшний день нет, что и попытался исправить автор настоящей статьи.

4. Результаты

Безусловно, определяющей в вопросе обеспечения российских национальных интересов на Дальнем Востоке в исследуемый период стала секретная часть Русско-японской конвенции от

31 января 1907 г.¹, в которой стороны провозглашали намерение устранить все причины трений или недоразумения в отношении Манчжурии, Кореи и Монголии. Державы договорились о ключевом разделении сфер интересов и влияния, которые предопределили судьбу региона на последующие 40 лет, установив демаркационную линию между Северной и Южной Манчжурией (Гримм, 1927: 170). По обоим сторонам этой линии Россия и Япония были свободны в получении железнодорожных и телеграфных концессии в Манчжурии. Помимо этого, Япония признавала за Россией все права на КВЖД северной обозначенной демаркационной линии, а также обязывалась не вмешиваться в ситуацию во Внешней Монголии, а Россия обязывалась не вмешиваться в корейско-японские отношения с гарантией предоставления российским консулам в Корее прав наиболее благоприятствуемой нации. В отношении Внутренней Монголии сферы влияния были поделены в рамках Русско-японской Конвенция от 25 июня 1912 г. (Гримм, 1927: 180). Еще ранее, 21 июня (4 июля) 1910 г., в развитие достигнутых договоренностей, было заключено Соглашение, секретная часть которого подтверждала разграничение сфер специальных интересов в Манчжурии, признавала за каждой из сторон право принимать меры защиты своих интересов (Гримм, 1927: 177). Таким образом округ Хулунбуир, или Барга, где с началом Синьхайской революции началось движение за независимость, оказался в зоне российских интересов, признаваемых Японией, что давало широкие возможности для маневров.

Хулунбуир располагался в западной части провинции Хэйлунцзян, имея в качестве естественных границ хребет Большой Хинган и реки Аргунь и Халху. Правовой статус его всегда вызывал определённые дискуссии, поскольку роль округа в качестве своеобразного буфера недооценить нельзя.

Российские интересы в регионе сводились к нескольким направлениям, где экономический интерес совпадал с военно-стратегическим и геополитическим. Так, в первую очередь, речь шла об обеспечении доступа к районам, по которым должна была пройти КВЖД: территория Чжэримского Сейма, Барги и Маннайгуна. Во-вторых, необходимо было обеспечить наши экономические интересы, вытекающие как от эксплуатации КВЖД, так и из разработки месторождений, торговли и т.д.

С 1730-х гг. Барга имела полное самоуправление, которое было подтверждено в 1793 г. императором Цяньлуном и сохранялось до боксерского восстания (Меньшиков, 1918: 606). В 1900 г. баргутские караулы были сняты и восстановлены в 1904-1906 гг. В 1906 г. китайскими властями был фактически положительно решен вопрос о колонизации Барги, а сам регион оказался разделен на 3 части. Прежнее деление на хошуны было временно сохранено, но значение баргутских чиновников свелось к выполнению функций низших исполнительных органов, а в административные центры созданных областей были введены китайские войска. Одновременно с этим были открыты китайские школы в Хайларе и других местах, появляются китайские торговцы (Меньшиков, 1918: 448). Этот шаг был воспринят местными жителями не только как покушение на древние устои, обеспечиваемые издавна маньчжурскими императорами, но и как угроза потери языка, традиций и культуры при ассимиляции с китайским населением, что уже испытывала на себе Внутренняя Монголия, непосредственно граничившая с центральными провинциями Внутреннего Китая.

В результате действий цинского правительства в предреволюционный период в среде местного населения сформировалось мнение о необходимости противодействия китайской экспансии. В сентябре 1911 г. состоялся съезд баргутской знати, на котором были выработаны следующие требования к центральному правительству: во-первых, удаление из Барги всех китайских чиновников и передача управления в руки баргутского населения; во-вторых, удаление из Барги китайских войск; в-третьих, прекращение китайской колонизации региона; в-четвертых, подчинение китайцев, проживающих в Барге, баргинским властям и выселение тех, кто не пожелает ее признания; в-пятых, передача в казну Барги всех доходов, получаемых в виде таможенных пошлин и налогов за разработку естественных богатств региона. Эти требования были предъявлены китайским властям, но были ими отклонены. Синьхайская революция, начавшаяся в октябре того же года, усилила центробежные тенденции. Уже 2 января 1912 г. вооруженные отряды из числа местного населения взяли Хайлар, 22 января захватили Лубин-фу и следом – Кэлари (Цзилалин), а китайские войска, не оказав серьезного сопротивления, вынуждены были покинуть Баргу. Во главе округа встал выходец из даурской аристократии Шэн Фу (Цыбенев, 2017). Незамедлительно власти региона объявили о выходе из состава Китая, признании над собой протектората Богдо-гэгэна (Меньшиков, 1918: 449), причем этот процесс оказался обоюдным. Так И.Я. Коростовец телеграммой от 27 сентября 1912 г. сообщал, что у монгольского правительства, помимо интереса о признании Монголии в качестве как минимум автономного государства, повышения статуса российского посланника в Урге и принятия монгольского посланника в аналогичном статусе в Санкт-Петербурге, имелось намерение распространить действие готовящегося соглашения и протокола к нему на Внутреннюю Монголию, ряд других территорий и, безусловно – Баргу (Сборник..., 1914: 5). Крупный специалист в области международного права барон Б.Э. Нольде также обращал на это внимание без, впрочем, каких-либо комментариев относительно справедливости подобных претензий (Нольде, 1915: 2158). Донесение вице-консула в Хайларе на имя российского посланника в Пекине от 29 декабря 1913 г. сообщало о

¹В статье датировка документов приводится по Юлианскому календарю.

том, что в Барге состоялся съезд старейшин, который принял решение обратиться к монгольскому правительству с просьбой о принятии Барги под власть Богдо-гэгэна, а в случае, если это сделать невозможно, следовала просьба через Богдо-хана ходатайствовать перед российским правительством о предоставлении округу автономии под властью Китая с непосредственным подчинением китайскому президенту. Это было сделано для получения со стороны России гарантий того, что в отношении баргинских властей не будут применены карательные меры и полученные округом права в последствии не будут отменены.

Вместе с тем в донесении сообщалось о намерении китайских властей в Цицикаре начать переговоры с баргутами (*Международные отношения...*, Т. 1..., 1931: 71-72), прекрасно понимая, что и без того беспокойный регион, вдохновленный фактической независимостью Внешней Монголии, способен добиться самостоятельности. Для приведения этого плана в исполнение власти Барги уже приступили к формированию собственной государственности с опорой, как и западный сосед, на Россию: наблюдая за политикой русских властей во Внешней Монголии, баргуты убедились в добрых намерениях последних, в противовес китайской администрации, и, не без участия российской стороны, установили автономию, которая просуществовала вплоть до 1920 г.

Таким образом, уже в середине 1912 г. стало очевидным, что ситуация вышла из-под контроля центрального китайского правительства и развитие событий прогнозировать крайне сложно. Российская империя, которая уверенно контролировала процесс автономизации Внешней Монголии, в Барге на первом этапе попытки добиться независимости округа не могла заявить о подобном участии и это явилось предметом пристального внимания царского правительства к региону и формирования собственной позиции, выраженной в выступлении министра иностранных дел С.Д. Сазонова на заседании Государственной думы. Сазонов подчеркнул своеобразие отношений, которые баргинские власти стремились выстроить с правительством Богдо-хана: с одной стороны, они готовы были признать его власть над собой и принимать любую возможную помощь, с другой стороны, отказывались признавать его юрисдикцию и платить налоги и другие сборы. В связи с этим формировался т.н. «баргинский вопрос», решать который необходимо было отдельно не только от ситуации с Внешней Монголией, но, как оказалось, и от ситуации в самой Маньчжурии, где у России возникали новые интересы, помимо КВЖД. Во-первых, в регионе за время его фактической независимости (1912-1914 гг.) русскими промышленниками и предпринимателями (не без участия российских властей) были заключены контракты с баргинскими властями (*Речь...*, 1914: 26), одинаково выгодные для обеих сторон. Во-вторых, в т.н. Полосе отчуждения КВЖД проживало значительное количество русских подданных, работающих на железной дороге и любой военный конфликт мог привести к жертвам, что подрывало доверие и к дороге как предприятию, и к российской центральной власти, обязанной обеспечивать безопасность и интересы своих граждан. В-третьих, в Маньчжурии имелись интересы других держав (Великобритании, Франции, Японии и др.), взаимодействие с которыми должно было выстраиваться с учетом и их позиций, поскольку российское присутствие не ограничивалось лишь Северо-Восточным Китаем (напр. у России имелись концессии в Тяньцзине и Ханькоу), и на поддержку этих государств необходимо было рассчитывать и далее. Таким образом, были четко очерчены интересы Российской империи на охваченном смутой пространстве приграничной с Китаем зоны и было заявлено о том, что эти интересы наша страна намерена была отстаивать.

Особый интерес в этом вопросе представляет как процесс формирования позиции России, так и процесс ее обеспечения и достижения заявленных целей, что наиболее полно иллюстрирует дипломатическая переписка министерства иностранных дел с посланником в Пекине Василием Николаевичем Крупенским, а также его переписка с консулами и агентами в регионе. Брат Василия Николаевича состоял на дипломатической службе в Италии, а сам он в возрасте 25 лет отправляется сначала в Турцию (1894 г.), затем в Китай (1899 г.), Германию (1902 г.), США (1907 г.), в 1911 г. ненадолго прибывает в Австро-Венгрию и в этом же году, сменив И.Я. Коростовца, в декабре в статусе российского посланника в Пекине снова отправляется в Китай, где и пребывает до 1916 г., приняв непосредственное участие в разрешении «баргинского вопроса».

На первоначальном этапе дипломатической переписки были определены ключевые условия политической судьбы округа – невозможность его включения в состав Внешней Монголии, на чем настаивала монгольская сторона и что, в принципе, допускала баргинская знать, а также сохранение над этой территорией китайского суверенитета. В.Н. Крупенский в телеграмме № 21 от 7 января 1914 г. на имя вице-консула в Хайларе П.К. Усатого, в ответ на его донесение от 29 декабря 1913 г. № 72, сообщал, что, не имеет четких указаний от министерства иностранных дел о начале переговоров с китайской стороной по т.н. «баргутскому вопросу» и о форме, которую должен приобрести итог этих переговоров. Барга, упоминаемая и как Хулунбуирский округ, должна была разделить участь Северной Манчжурии, поэтому округ не должен был быть включен в состав Внешней Монголии, а российская сторона соглашалась на восстановление на территории Барги китайского суверенитета при условии мирных переговоров, в которых Россия брала на себя роль посредника. Применение вооруженной силы наносило бы серьезный ущерб русским интересам, поэтому данные обстоятельства вынуждали Россию вступить в примирительный процесс. На любое известие о приготовлениях китайских вооруженных сил в Баргу Россия направляла в адрес китайской стороны

категорическое представление, на которое китайское правительство заверяло намерение решить вопрос мирным путем и принять помощь России как посредника ([Международные отношения..., Т. 1..., 1931: 72](#)). Таким образом, Китай принял участие нашей страны в разрешении возникшего конфликта, а к двум имеющимся добавилось третье условие – мирный характер разрешения вопроса.

Министр иностранных дел Российской империи С.Д. Сазонов в телеграмме от 22 января 1914 г. за № 174 сообщал В.Н. Крупенскому, что министерство иностранных дел предполагает отложить переговоры о Барге до подписания русско-китайско-монгольского договора (будущий т.н. «Кяхтинский договор» от 25 мая 1915 г. ([История..., 1967: 248-250](#))), рассматривая неразрешенный «баргутский вопрос» в качестве средства давления на китайскую сторону при переговорах о тройственном договоре ([Международные отношения..., Т. 1..., 1931: 232](#)), но В.Н. Крупенский в телеграмме от 24 января 1914 г. № 32 сообщал, что отсрочка в переговорах могла быть чревата тем, что баргинские власти могли самостоятельно договориться с китайской стороной без участия России, допустить чего было нельзя ([Международные отношения..., Т. 1..., 1931: 233](#)). Эти опасения не были праздными и беспокоили не только русскую миссию в Пекине, что и членов кабинета министров России. Так 26 января 1914 г. за № 73 министр финансов России В.Н. Коковцов направил на имя С.Д. Сазонова письмо, в котором просил уточнить официальную позицию относительно допуска ввода китайских войск в Хайлар и перехода ими КВЖД. Здесь следует напомнить, что еще в 1912 г. между двумя министрами была достигнута договоренность о недопущении расправы с активистами движения за независимость Барги, в силу чего управляющему КВЖД и начальнику Заамурского округа пограничной стражи были даны указания о принятии необходимых к этому мер. По мнению В.Н. Коковцова вопрос о судьбе Барги на тот момент представлялся недостаточно проработанным и поэтому имеющаяся договоренность должна была быть применена и к этим обстоятельствам ([Международные отношения..., Т. 1..., 1931: 267](#)). В ответной секретной телеграмме от 28 января 1914 г. № 91 С.Д. Сазонов сообщал о согласии с его мнением о необходимости не допустить вступление китайских войск в Хайлар, о чем управляющему КВЖД вновь были даны соответствующие указания ([Международные отношения..., Т. 1..., 1931: 268](#)).

Предложенный В.Н. Крупенским министру иностранных дел Китая Сунь Баоци вариант участия в переговорах российской стороны изначально не рассматривался, поскольку китайцы планировали вести переговоры с баргинскими властями непосредственно, однако в итоге вынуждены были согласиться и просили уточнить позицию России по этому вопросу, которая и была запрошена телеграммой от 3 февраля 1914 г. за № 48 ([Международные отношения..., Т. 1..., 1931: 351-352](#)). Телеграммой от 6 февраля 1914 г. № 288 С.Д. Сазонов обращал внимание В.Н. Крупенского на недопущение китайских войск и на информацию военного министра В.А. Сухомлинова о численности регулярных китайских войск в количестве 32 тыс. человек, и присутствии в Хейлунцзянской и Гиринской провинциях сельской и резервной полиции (сюньцзин и юйбей-сюньцзин) численностью до 127 тыс. человек. От китайской стороны требовалось согласие на ограничение численного состава китайских вооруженных сил в Маньчжурии и на то, что его изменение без согласия российской стороны было бы невозможно. Вместе с тем, трезво оценивая обстановку, В.А. Сухомлинов предлагал С.Д. Сазонову (телеграмма от 25 октября 1913 г.), в случае неуспеха этой идеи, обязать китайскую сторону [хотя бы] информировать российских представителей об увеличении численности войск и их передвижении, и делать это заблаговременно ([Международные отношения..., Т. 1..., 1931: 349-350](#)). В тот же день была направлена телеграмма № 483 о стремлении России восстановить китайский суверенитет в Барге при соблюдении 4 условий. Во-первых, речь шла о сохранении национального управления округом и назначение баргинского амбана из числа местных жителей. Во-вторых, Россия в очередной раз обращала внимание на необходимость признания Пекином договоров и сделок, заключенных русскими подданными с баргинскими властями с 1912 г. В-третьих, за российской стороной должно было быть признано преимущественное право постройки в Барге подъездных путей к КВЖД в случае возникновения такой необходимости. И, в-четвертых, русские золотопромышленники, лишившиеся права разрабатывать концессии, выданные им до начала войны, должны были получить соответствующую компенсацию, размер которой подлежал обсуждению на уровне межведомственной комиссии при министерстве торговли России. Так же имела инструкция об информировании китайской стороны о недопущении решения участи Барги без российского участия и если это произойдет, Россия оставляла за собой право не признавать заключенных между китайским правительством и баргинскими властями соглашений ([Международные отношения..., Т. 1..., 1931: 351-352](#)). Реакция китайской стороны была адекватной и ее содержание, равно как и диалог с министром иностранных дел Китая, содержался в телеграмме В.Н. Крупенского С.Д. Сазонову от 10 февраля 1914 г. № 65. Каждый из предложенных Россией пунктов был прокомментирован и получил четкую позицию и развитие.

В отношении сохранения национального управления округом и назначение баргинского амбана из числа местных жителей (телеграмма В.Н. Крупенского С.Д. Сазонову от 10 февраля 1914 г. № 65) китайская сторона обозначила свое решение завуалированным согласием в виде готовности «возвращаться к старому порядку вещей», но просила уточнения относительно того, что подразумевать под «национальными властями»: только ли монголы, или, например, и маньчжуры? ([Международные отношения..., Т. 1..., 1931: 402](#)) Определяющее значение в формировании

российской позиции как в этом вопросе, так и в трех других, играло мнение самого В.Н. Крупенского. Так в телеграмме от 13 февраля 1914 г. № 343 С.Д. Сазонов просил его высказать свою позицию, имевшую в дальнейшем определяющее значение. По мнению В.Н. Крупенского (телеграмма от 15 февраля 1914 г. №79) в вопросе об управлении Баргой следует выяснить желание самих баргутов (*Международные отношения..., Т. 1..., 1931: 403*). При этом необходимо было учитывать, что эти желания в ряде случаев имели завышенные ожидания и невыполнимые условия (донесение от 1 марта 1914 г. телеграммой № 115). Ярким проявлением этого явились донесения П.К. Усатова, который в телеграммах № 16 от 22 февраля и № 19 от 28 февраля 1914 г. обрисовывал правовое положение Барги с позиции ее фактического руководства. Согласно первой телеграмме, Шэн Фу при участии своей администрации принял постановление, согласно которому Барга готова была либо перейти под власть Богдо-Хана, либо остаться в составе Китая при соблюдении им условий, фактически повторяющих выработанные в конце 1911 г. Вторая телеграмма сообщала о правовом положении региона и его внутреннем устройстве согласно «прежнему порядку». В связи с этим П.К. Усатов в двух телеграммах (№ 15 и № 18, тексты не сохранились) В.Н. Крупенскому характеризовал эти условия как невыполнимые, поскольку в этом случае регион приобрел бы статус, равный Халхе (*Международные отношения..., Т. 2..., 1933: 13*).

В.Н. Крупенский допускал возможным подтверждение требования о запрете китайской колонизации, но считал непосредственное подчинение Хулунбуира китайскому нежелательным, поскольку в этом случае официальный Пекин настаивал бы на направлении в Хайлар своего особого представителя, вмешательство которого было бы еще более неудобным, чем вмешательство цинцарских властей. В отношении финансового вопроса, российская сторона считала самым подходящим возвращение к прежним условиям, по которым из столицы регулярно поступали суммы на содержание местных чиновников. В качестве альтернативы этого предлагалось все доходы предоставить в ведение властей Барги с освобождением китайского правительства от всех финансовых обязательств в отношении региона, но это предложение встретило упорное сопротивление со стороны пекинских властей (*Международные отношения..., Т. 2..., 1933: 14*), поскольку означало фактическую финансовую автономию. В результате 3 марта 1914 г. С.Д. Сазонов в телеграмме № 493 изложил окончательную позицию российской стороны. Она сводилась к тому, что хоть создание из Барги автономной области на предположенных баргутами условиях соответствовало российским интересам, однако выступать против Китая было бы нецелесообразно, в связи с чем Россия оставалась в роли «примирителя» (*Международные отношения..., Т. 2..., 1933: 18*). Остальные позиции оставались неизменными.

7 марта 1914 г. № 125 на имя министра иностранных дел была направлена телеграмма, дополненная депешей от 21 марта 1914 г. № 147 о предложениях, сделанных 15 марта 1914 г. китайской стороной: предлагалось вернуть управление округом в состояние, существовавшее до 1909 г. (в этом году хайларским амбаном был назначен Сюн Сяолян, действия которого и привели к отложению Барги), что, по словам В.Н. Крупенского, соответствовало и российским, и баргутским интересам. В дополнение к этому, по словам Сунь Баоци, на место хулунбуирского фудутуна предполагается назначить находящегося без этого во главе Барги самопровозглашенного руководителя округа Шэн Фу (*Международные отношения..., Т. 2..., 1933: 193*). Таким образом, во-первых, вводилась должность хулунбуирского фудутуна, аналогичная должности периода правления династии Цин, во-вторых, ее вакансию заполнял китайский президент, в-третьих, на эту позицию могло быть назначено лицо из числа манчжуров или монголов, при этом президент не был ограничен выбором только среди лиц из числа местного населения (*Международные отношения..., Т. 2..., 1933: 195*). Вместе с тем, было предложено восстановить именно тот режим (дословно – «порядки»), который был установлен Сюн Сяоляном. Предлагалось разграничить знаменное управление и управление гражданскими делами области так, что в составе знаменного управления находятся фудутун, пять ухэрида (цзун-гуань), знаменные чины высших и низших классов и определенное число солдат, а в компетенции этой структуры находились исключительно вопросы знаменного управления. Для управления гражданскими делами предполагалось учредить должности даотая, уездных начальников и иных чинов, на которые могли назначаться любые граждане Китая, без учета национальности. Это позволило бы китайским властям сохранить управление округом в своих руках, предоставив баргутам лишь незначительную часть автономии. На эти условия российская сторона пойти не могла и предлагала либо и в этом вопросе вернуться к состоянию до 1909 г., либо, для «сохранения лица» принять совместное решение о том, что «на должности, учрежденные для оборудования гражданских дел Барги, назначаются лица исключительно из местных уроженцев» (*Международные отношения..., Т. 2..., 1933: 194*), на чем в итоге стороны и сошлись.

Пока шли российско-китайские переговоры, съезд представителей 17 хошунов Барги, состоявшийся 18 июня 1914 г., отклонил идею воссоединения с Китаем, что означало сохранённые за округом статуса провозгласившей независимость территории, в связи с чем в тот же день в телеграмме № 304 поверенный в делах в Пекине В.В. Граве направил на имя МИДа информацию об уточнении и разъяснении нашей позиции (*Международные отношения..., Т. 4..., 1931: 86*). Она сводилась к необходимости сохранить «status quo» в связи с тем, что России предстояли важные

переговоры по железнодорожному и монгольскому вопросам и не стоило их осложнять еще и ситуацией вокруг Барги. Инструкции также содержали указание на недопустимость связывания этих вопросов с вопросом о концессии на новые железнодорожные линии в Северной Манчжурии, которая имела для России первостепенное значение ([Международные отношения..., Т. 4..., 1931: 136-137](#)).

На условие признания за российской стороной преимущественного права постройки в Барге подъездных путей к КВЖД Сунь Баоци (телеграмма от 7 марта 1914 г. № 125 и депеша от 21 марта 1914 г. № 147) настаивал на том, чтобы предоставить китайцам право самостоятельно и самим строить железные дороги в Барге, предоставляя российской стороне это право лишь в случае необходимости ее обращения для этой цели к иностранным займам. Хотя было очевидно, что китайские власти в регионе еще долгое время не смогут это делать ни финансово, ни организационно ([Международные отношения..., Т. 2..., 1933: 194](#)), но вручала китайцам легальный инструмент отклонять любой российский проект, ссылаясь на готовность осуществить постройку самостоятельно. Временно управляющий IV политическим отделом Д.И. Абрикосов высказал позицию о том, что переговоры по Северной Маньчжурии и вопрос о постройке путей между собой не связаны ([Международные отношения..., Т. 4..., 1931: 336-337](#)). Желаемое возымело действие и в телеграмме от 23 июля 1914 г. № 407 В.В. Граве сообщал, что Сунь Баоци выразил намерение содействовать достижению компромисса в «баргутском вопросе».

Запросив инструкций, В.В. Граве поделился своим впечатлением о том, что китайцы сильно обеспокоены войной в Европе и боятся, что военные действия разыграются также на Дальнем Востоке, опасаясь агрессивных замыслов японцев. Граве предложил использовать это беспокойство китайцев и продолжать переговоры с ними, подчеркивая, что события на Западе не отражаются на российской политике на Дальнем Востоке» ([Международные отношения..., Т. 6..., 1935: 28](#)). В ответ на это С.Д. Сазонов сообщал, что не видит необходимости ни затягивать, ни ускорять решение «баргутского вопроса» и одобрил предложенную стратегию переговоров ([Международные отношения..., Т. 6..., 1935: 29](#)). В телеграмме от 14 августа 1914 г. № 487 В.В. Граве докладывал о том, что агент министерства финансов в Китае Л.В. Гойер «неизменно отклонял» различные варианты китайских предложений, а сам В.В. Граве неоднократно настаивал перед Сунь Баоци на необходимости ускорить разрешение дела и через некоторых своих доверенных лиц некоторым способом воздействовали на президента. Наконец телеграммой от 16 августа 1914 г. № 490 В.Н. Крупенский со ссылкой на телеграмму В.В. Граве № 487 сообщал, что китайское правительство, во-первых, выразило принципиальное согласие на финансирование русскими средствами линии Сахалин – Харбин с веткой на Цицикар; во-вторых, было намерено обратиться к российской стороне после изучения условий постройки трех других линий при их безусловной необходимости; в-третьих, вопрос о железнодорожных линиях в Барге следовало бы обсудить при переговорах об округе в целом; в-четвертых, оно отказывается предоставить права на разработку естественных богатств вдоль линии ввиду отсутствия подобных преимуществ в других аналогичных контрактах. Сам В.Н. Крупенский обращал внимание на то, что в аналогичных иностранных контрактах подобные условия не звучали столь категорично и это следовало учитывать при обсуждении китайской позиции ([Международные отношения..., Т. 6..., 1935: 180-181](#)). Следовательно, большинство условий, предложенных русской миссией в Пекине и утвержденных министерством иностранных дел, оказалось принятыми китайской стороной и переговоры существенно продвинулись вперед.

Вопрос о необходимости признания Пекином договоров и сделок, заключенных русскими подданными с баргинскими властями с 1912 г. (телеграмма В.Н. Крупенского С.Д. Сазонову от 10 февраля 1914 г. № 65) также не вызывали серьезных расхождений и сводились лишь к деталям. Китайская сторона предлагала перечислить эти соглашения и сделки, и рассмотреть возможность их перезаключения уже с центральным правительством ([Международные отношения..., Т. 1..., 1931: 402](#)). По мнению В.Н. Крупенского (телеграмма от 15 февраля 1914 г. № 79) желание китайского правительства было «вполне естественным», а ввиду принципиального сопротивления переходу земель в собственность иностранцев, можно было бы придать этим сделкам характер срочной аренды ([Международные отношения..., Т. 1..., 1931: 403](#)).

Самым сложным и затянутым оказалось обсуждение условия о получении русским золотопромышленниками, лишившимися права разрабатывать концессии, выданные им до начала войны, соответствующей компенсации. Размер компенсации подлежал обсуждению на уровне междуведомственной комиссии при министерстве торговли России и, как и ожидалось, встретил возражение китайской стороны (телеграмма В.Н. Крупенского С.Д. Сазонову от 10 февраля 1914 г. № 65), которая хотела также выяснить, шла ли речь о концессиях исключительно в Барге, или предполагались еще и другие концессии на других территориях, поскольку в этом случае связь с восстановлением в Барге китайского суверенитета не прослеживалась и диалог терял всякий смысл ([Международные отношения..., Т. 1..., 1931: 402](#)). Претензии золотопромышленников казались самому В.Н. Крупенскому «чрезмерными и недостаточно обоснованными» (телеграмма от 15 февраля 1914 г. № 79) ([Международные отношения..., Т. 1..., 1931: 471-472](#)), исходя из чего и формировалась дальнейшая позиция российской стороны. По условиям, предложенным Сунь Баоци китайские власти заявили, что права русских подданных по разработке горных богатств, утраченные после русско-японской войны, должны были быть урегулированы «отдельным делом» ([Международные](#)

отношения..., Т. 2..., 1933: 195), в итоге разрешение вопроса затянулось более чем на год и его историю, в самых общих чертах, можно восстановить из содержания пространного письма С.Д. Сазонова на имя [последнего] министра финансов Российской империи П.Л. Барка от 9 мая 1915 г. № 248. Опуская нюансы и лишние подробности, С.Д. Сазонов акцентировал внимание на том, что золотопромышленники приступили «к своей деятельности в Северной Манчжурии по прямому приглашению русского правительства, которое тем самым как бы давало им уверенность в том, что работы их будут ограждены от затруднений внешнего характера». Однако со стороны предпринимателей имелись и нарушения, на которые справедливо обращала внимание китайская сторона: разработка ранее открытых приисков (что было делать запрещено), неисполнение некоторых формальностей и т. д. Для определения размера убытков в Петрограде при министерстве торговли и промышленности было создано особое междуведомственное совещание, которое определило сумму заявленных претензий в 2 628 000 руб., включая проценты, и распределение ее по категориям в зависимости от обоснованности претензий. Но рассчитывать на удовлетворение российских требований не приходилось, в первую очередь, «из-за одного оскудения китайской казны, независимо от принципиальных соображений» по этому вопросу со стороны правительства Китая, поэтому В.Н. Крупенский рекомендовал добиваться лишь возвращения концессий прежним владельцам. В качестве выхода из ситуации министр иностранных дел, в свою очередь, предлагал удовлетворить требования промышленников «из суммы в 5 миллионов лан, причитающихся Китаю по статье 12-й контракта на постройку Китайской Восточной железной дороги», но министерство финансов не поддерживало это предположение, хотя В.Н. Коковцов допускал возможность распоряжения этой суммой в предложенных МИДом целях ([Международные отношения..., Т. 7..., 1935: 504-507](#)). В итоге к моменту подписания Россией и Китайской Республикой Соглашения о Хулунбуирском округе 24 октября 1915 г., ситуация не разрешилась и отражения в нем не нашла.

Уже к концу июля – началу августа 1915 г. у российской стороны имелся проект Соглашения, в связи с чем секретной телеграммой от 5 августа 1915 г № 3993 В.Н. Крупенский был уполномочен на обмен с китайским министром иностранных дел нотами, предполагающими стремление России и готовность Китая к его обсуждению. Несмотря на осложнение ситуации как с российской (подозрения в «двойной игре» генерала Спицын), так и с китайской стороны (действия князя Улая и Бабуджава), переговоры начались, а В.Н. Крупенский на основе инструкций (телеграмма С.Д. Сазонова от 13 октября 1915 г.) от лица российского правительства потребовал от китайской стороны подписания соглашения не позже следующей недели, в противном же случае оно предполагало вернуть себе полную свободу действий по отношению к Барге. Китайский представитель Лу Чжэнсян, сменивший в текущем году Сунь Баоци, заявил, что днем подписания соглашения назначена суббота 24 октября 1915 г. В последнюю минуту при счетке текстов в вайцзяобу первым драгоманом императорской миссии переписанных текстов китайцами была сделана еще одна попытка пересмотреть некоторые условия. Чтобы заставить их отказаться от этой затеи, потребовалось заявление В.Н. Крупенского по телефону о необходимости отказаться от этой затеи. Только после этого подписание соглашения состоялось.

Договор закрепил все условия, выдвигаемые российской стороной: Хулунбуир приобретал статус специального округа ([АВПРИ. Ф. Китайский стол. Оп. 491. 1912-1915. Д. 3443. Л. 54-57](#)), непосредственно подчиненного правительству Китая, китайские вооруженные силы на территорию округа не допускали, в случае строительства на территории округа железной дороги правительство Китая должно было обратиться в первую очередь к России, контракты, заключенные между русскими предпринимателями и властями Хулунбуира, утверждались правительством Китайской Республики ([АВПРИ. Ф. Китайский стол. Оп. 491. 1912-1915. Д. 3443. Л. 54-57](#)), а заключенные ранее договоры сохраняли свою юридическую силу. Текст Соглашения о положении Хулунбуира от 24 октября 1915 г. и обмен нот о назначении первого футудуна был опубликован в «Известиях МИД» за 1916 г., книга II, страница 2 ([Международные отношения..., Т. 9..., 1937: 212](#)), однако специальной ноте о порядке утверждения будущих контрактов российских предпринимателей в Барге был придан характер секретности. Секретной телеграммой от 25 октября 1915 г. № 657 В.Н. Крупенский сообщал С.Д. Сазонову о желании президента Юань Шикая отложить опубликование соглашения по Барге, чтобы японцы не могли предположить, что такой ценой Китай заплатил России за ее поддержку в вопросе о восстановлении монархии ([Международные отношения..., Т. 9..., 1937: 212](#)). Нотой китайского министра иностранных дел от 24 октября 1915 г. на имя В.Н. Крупенского и российской стороны извещались о стремлении китайского правительства прийти к соглашению с российским правительством о предоставлении русским золотопромышленникам в провинции Хейлунцзян компенсаций за понесенные ими убытки после русско-японской войны. Нотой от 12 декабря 1915 г. В.Н. Крупенский сообщил Лу Чжэнсяну, что российское правительство приняло информацию к сведению ([Международные отношения..., Т. 9..., 1937: 213](#)). Соглашение явилось своего рода продолжением юридического оформления российско-китайских отношений по исследуемому нами региону: ранее с китайскими властями был достигнут компромисс и относительно аренды русскими подданными свободных земель Хулунбуира, оформленный в виде правил, утвержденных хулунбуирской администрацией и русским вице-консулом в Хайларе от 24 апреля 1914 г. № 608.

Суть этих условий сводилась к предоставлению русским подданным права аренды земельных участков для посева злаков и огородничества на срок от 1 года до 12 лет.

В 1916 г. между Россией и Китаем было подписано новое соглашение о положении Хулунбуира, статья 1 которого говорила о том, что Хулунбуир образует особую область, непосредственно подчиненную центральному правительству Китайской Республики, а статья 2 подтверждала ранее закреплённое положение главы Барги, который назначался декретом президента и пользовался правами губернатора (Баранов, 1926: 24). В 1919 г. Шэн Фу сменил Гуй Фу, остающийся на своей должности до 1920 г.

5. Заключение

Переходя к выводам, следует выделить тот факт, что России путем сложных переговоров, согласования позиций, в ряде случаев – давления, в ряде случаев – временных уступок, удалось добиться делаемого результата и склонить Китайскую Республику к принятию предложенных условий на взаимовыгодной основе. Первостепенное значение здесь имело само участие нашей страны в качестве гаранта и миротворца. Так удалось вернуть округ, который стоял на пороге независимости, под китайский суверенитет, не включив его в состав Внешней Монголии; удалось восстановить систему управления этой территорией, которая существовала до этого более полутора веков и доказала свою эффективность; удалось сохранить мирный характер процесса переговоров, не допустить вооруженных столкновений, что сохраняло лояльность к верховной государственной власти. Но, безусловно, гораздо большее значение имел факт защиты русских национальных интересов в регионе. За русскими подданными сохранялась позиция наибольшего благоприятствования, они получили возможность селиться на просторах Барги и заниматься огородничеством; договоры, заключенные ими в период с 1912 по 1915 г., признавались китайским правительством; а право на постройку подъездных железнодорожных путей закреплялось за российской стороной. Затянувшиеся переговоры относительно компенсаций русским золотопромышленникам были в значительной степени результатом несогласованности позиций российских министерств, в итоге русская миссия в Пекине упустила возможность форсировать события, но добилась своей цели, закрепив обсуждаемые условия в секретной ноте к Соглашению. В результате настойчивости дипломатического корпуса удалось даже добиться ограничения численности китайских вооруженных сил в регионе, что так категорично отвергало руководство страны на первоначальном этапе переговоров.

Таким образом и русский дипломатический корпус в целом, и миссия в Пекине во главе с В.Н. Крупенским в частности, не только отстаивали интересы нашей страны на стратегически важном участке российско-китайской границы, но и подтвердили статус России как державы, способной, в отличие от своих «заключенных друзей» по региону, добиваться поставленной цели мирным способом. Это имело определяющее значение для безопасности уже советско-китайской границы на последующие три десятилетия и не позволило развязать масштабный военный конфликт и начать боевые действия на Дальнем Востоке в преддверии и в разгар Великой Отечественной Войны.

6. Благодарности

Исследование выполнено при поддержке Гранта Президента Российской Федерации по государственной поддержке молодых российских ученых-кандидатов наук «Квази-государства Внутренней Азии: проблема государственности в контексте борьбы наций за самоопределение» (МК-6398.2016.6).

Литература

Аблова, 2005 – Аблова Н.Е. Деятельность белоэмигрантских организаций в Китае во время обострения советско-китайских отношений (1929-1931 гг.) // *Проблемы Дальнего Востока*. 2005. № 4. С. 143-153.

АВПРИ – Архив внешней политики Российской империи. Ф. Китайский стол. Оп. 491. 1912-1915. Д. 3443. Л. 54-57. Копия. Перевод с французского яз. Опул.: Сборник документов, относящихся к Китайской Восточной железной дороге.

Бадмаева, Нимаев, 2013 – Бадмаева Л.Б., Нимаев Д.Д. Об исторических связях бурят и баргутов // *Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук*. 2013. № 3 (11). С. 18-25.

Баранов, 1926 – Баранов И.Г. Административное устройство Северной Маньчжурии // *Вестник Маньчжурии*. 1926. № 11-12. С. 5-27.

Вишняков, 2007 – Вишняков О.В. Создание Заамурского округа отдельного корпуса пограничной стражи. Конец XIX – начало XX века // *Военно-исторический журнал*. 2007. № 1. С. 55-57.

Гримм, 1927 – Гримм Э.Д. Сборник договоров и других документов по истории международных отношений на Дальнем Востоке (1842–1925). М.: Издание Института востоковедения им. Н.Н. Нариманова, 1927. 219, III с.

История..., 1967 – История Монгольской Народной республики. 2 изд. М., 1967. 538 с.

Казанцев, 2015 – *Казанцев В.П.* Формирование системы гражданского управления на арендованных Россией территориях: полоса отчуждения КВЖД, Квантунская область (середина 1890-х годов – февраль 1917 года). Издательство: Самарский медицинский институт «РЕАВИЗ», 2015. 587 с.

Международные отношения..., Т. 1..., 1931 – Международные отношения в эпоху империализма: Документы из архивов царского и временного правительств 1878 – 1917 гг. Серия III: 1914 – 1917 гг. Т. 1: 14 января – 13 марта 1914 г. / Комиссия при ЦИК СССР по изданию документов эпохи империализма под председательством М.Н. Покровского; Подгот. к печати А.Л. Попов. М.; Л.: Соцэкгиз, 1931. XLIII, 614 с.

Международные отношения..., Т. 2..., 1933 – Международные отношения в эпоху империализма: Документы из архивов царского и временного правительств 1878 – 1917 гг. Серия III: 1914 – 1917 гг. Т. 2: 14 марта – 13 мая 1914 г. / Комиссия при ЦИК СССР по изданию документов эпохи империализма под председательством М.Н. Покровского; Подгот. к печати А.С. Ерусалимский, Б.Г. Вебер. М.; Л.: Соцэкгиз, 1933. XX, 559 с.

Международные отношения..., Т. 4..., 1931 – Международные отношения в эпоху империализма: Документы из архивов царского и временного правительств 1878 – 1917 гг. Серия III: 1914 – 1917 гг. Т. 4: 28 июня – 22 июля 1914 года / Комиссия при ЦИК СССР по изданию документов эпохи империализма под председательством М.Н. Покровского: Подготовил к печати: Э.Д. Гримм. М.; Л.: Соцэкгиз, 1931. XVI, 423 с.

Международные отношения..., Т. 6..., 1935 – Международные отношения в эпоху империализма: Документы из архивов царского и временного правительств 1878 – 1917 гг. Серия III: 1914 – 1917 гг. Т. 6: 5 августа 1914 г. – 13 января 1915 г. Ч. 1 / Комиссия при ЦИК СССР по изданию документов эпохи империализма под председательством М.Н. Покровского; Подготовил к печати А.Л. Попов при участии Б.Я. Галиной и В.В. Альтмана. М.; Л.: Соцэкгиз, 1935. XIX, 482 с.

Международные отношения..., Т. 7..., 1935 – Международные отношения в эпоху империализма: Документы из архивов царского и временного правительств 1878 – 1917 гг. Серия III: 1914 – 1917 гг. Т. 7: 14 января – 23 мая 1915 г. Ч. 2 / Комиссия при ЦИК СССР по изданию документов эпохи империализма под председательством М.Н. Покровского; Подготовил к печати Ф.О. Нотович при участии Л.А. Телешевой и С.А. Левиной. М.; Л.: Соцэкгиз, 1935. XX, 535 с.

Международные отношения..., Т. 9..., 1937 – Международные отношения в эпоху империализма: Документы из архивов царского и временного правительств 1878 – 1917 гг. Серия III: 1914 – 1917 гг. Т. 9: 17 октября 1915 г. – 13 января 1916 г. / Комиссия при ЦИК СССР по изданию документов эпохи империализма под председательством М.Н. Покровского; Подготовил к печати Ф.О. Нотович при участии Л.А. Телешевой и С.А. Левиной. М.; Л.: Соцэкгиз, 1937. XXVIII, 822 с.

Меньшиков, 1918 – *Меньшиков П.Н.* Северная Маньчжурия: С приложением карты всей Маньчжурии: Отчет по командировке агентов Коммерческой части Китайской Восточной железной дороги: П.Н. Меньшикова, П.Н. Смольникова и А.И. Чиркова в 1914 и 1915 гг. Том II: Хейлунцзянская провинция / Китайская Восточная железная дорога. Харбин: Издание Коммерческой части Китайской Восточной железной дороги, 1918. XVIII, 646, IX с.

Нацагдорж, 2012 – *Нацагдорж Ц.Бю.* О побеге баргутов в Россию в 1730 г. / Ц.Бю. Нацагдорж // Культурное наследие народов Центральной Азии. Выпуск 3. Улан-Удэ, 2012. С. 206-225.

Нольде, 1915 – *Нольде Б.Э.* Международное положение Монголии / Проф. бар. Б.Э. Нольде // Право. Еженедельная юридическая газета. Петроград. 1915. № 34 (23 августа). Стб. 2153-2168.

Ордынская, Козыренко, 2017 – *Ордынская Ю.В., Козыренко Н.Е.* Этапы и методы колонизации округа Хулунбуир XVII – XIX вв. / Ю.В. Ордынская, Н.Е. Козыренко // Проблемы современной науки и образования. 2017. № 4 (86). С. 109-112.

Речь..., 1914 – Речь Министра Иностранных Дел, произнесенная в общем собрании Государственной Думы 10 мая 1914 года // Известия Министерства иностранных дел. Петроград, 1914. – Книга IV. С. 18-28.

Салогуб, Казанцев, 2015 – *Салогуб Я.Л., Казанцев В.П.* Международный договор аренды территории как форма колониальной экспансии в Китае на рубеже XIX-XX вв. / Я.Л. Салогуб, В.П. Казанцев // *Общество и государство в Китае*, 2015. Т. 45. № 18-2. С. 653-661.

Салогуб, 2015 – *Салогуб Я.Л.* Организационно-правовые основы создания российской администрации и полиции в открытом китайском порту Инкоу (1900-1904 гг.) / Я. Л. Салогуб // Вестник Санкт-Петербургской Юридической Академии, 2015. № 3 (28). С. 46-49.

Сборник..., 1914 – Сборник дипломатических документов по Монгольскому вопросу (23 августа 1912 г. – 2 ноября 1913 г.). – СПб.: Типография В.Ф. Киршбаума, 1914. 91 с. (Известия Министерства Иностранных Дел. Приложение к кн. II, 1914).

Цыбенков, 2017 – *Цыбенков Б.Д.* К изучению истории дауров Хулун-Буира (1911-1917) / Б.Д. Цыбенков // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2017. Байкальский государственный университет, Региональный центр научных исследований экономической истории России. 2017. С. 201-210.

References

- Ablova, 2005** – *Ablova N.E.* (2005). Deyatel'nost' beloemigrantskikh organizatsiy v Kitae vo vremya obostreniya sovetско-kitayskikh otnosheniy (1929 – 1931 gg.) [The activity of white emigre organizations in China during the aggravation of Soviet-Chinese relations (1929-1931)]. *Problemy Dal'nego Vostoka*, Nr 4, pp. 143-153 [in Russian].
- AVPRI** – Arkhiv vneshney politiki Rossiyskoy imperii [Archive of foreign policy of the Russian Empire]. F. Kitayskiy stol. Op. 491. 1912 – 1915. D. 3443. L. 54-57. Kopya. Perevod s frantsuzskogo yaz. Opubl.: Sbornik dokumentov, otnosyashchikhsya k Kitayskoy Vostochnoy zheleznoy doroge [in Russian].
- Badmaeva, Nimaev, 2013** – *Badmaeva L.B., Nimaev D.D.* (2013). Ob istoricheskikh svyazyakh buryat i bargutov [On the historical ties of the buryats and barguts]. *Vestnik Buryatskogo nauchnogo tsentra Sibirskogo otdeleniya Rossiyskoy akademii nauk*, Nr 3 (11), pp. 18-25 [in Russian].
- Baranov, 1926** – *Baranov I.G.* (1926). Administrativnoe ustroystvo Severnoy Man'chzhurii [Administrative structure of Northern Manchuria]. *Vestnik Man'chzhurii*, Nr 11-12, pp. 5-27 [in Russian].
- Vishnyakov, 2007** – *Vishnyakov O.V.* (2007). Sozdanie Zaanurskogo okruga otdel'nogo korpusa pogranichnoy strazhi. Konets XIX – nachalo XX veka [The establishment of the Zaanur District as a separate body of the border guards. The end of XIX – the beginning of the XX century]. *Voенно-istoricheskiy zhurnal*, Nr 1, pp. 55-57 [in Russian].
- Grimm, 1927** – *Grimm E.D.* (1927). Sbornik dogovorov i drugikh dokumentov po istorii mezhdunarodnykh otnosheniy na Dal'nem Vostoke (1842–1925) [Collection of treaties and other documents on the history of international relations in the Far East (1842–1925)]. M. pp. 219 [in Russian].
- Istoriya, 1967** – *Istoriya Mongol'skoy Narodnoy respubliki* [History of the Mongolian People's Republic]. M., 1967. pp. 538 [in Russian].
- Kazantsev, 2015** – *Kazantsev V.P.* (2015). Formirovanie sistemy grazhdanskogo upravleniya na arendovannykh Rossiye territoriyakh: polosa otchuzhdeniya KVZhD, Kvantunskaya oblast' (seredina 1890-kh godov – fevral' 1917 goda) [Formation of the civil administration system in the territories leased by Russia: the zone of alienation of the KVZhD, Kwantung region (mid. 1890-ies – February 1917)]. Samara. pp. 587 [in Russian].
- Mezhdunarodnye otnosheniya..., T. 1..., 1931** – *Mezhdunarodnye otnosheniya v jepohu imperializma: Dokumenty iz arhivov carskogo i vremennogo pravitel'stv 1878 – 1917 gg. Seriya III: 1914 – 1917 gg. T. 1: 14 yanvarja – 13 marta 1914 g.* [International Relations in the Era of Imperialism: Documents from the Archives of the Tsarist and Provisional Governments of 1878 – 1917. Series III: 1914 – 1917 Vol. 1: January 14 – March 13, 1914]. M.; L., 1931. Pp. XLIII, 614 [in Russian].
- Mezhdunarodnye otnosheniya..., T. 2..., 1933** – *Mezhdunarodnye otnosheniya v epokhu imperializma: Dokumenty iz arhivov tsarskogo i vremennogo pravitel'stv 1878 – 1917 gg. Seriya III: 1914 – 1917 gg. T. 2: 14 marta – 13 maya 1914 g.* [International Relations in the Era of Imperialism: Documents from the Archives of the Tsarist and Provisional Governments of 1878 – 1917. Series III: 1914 – 1917 Vol. 2: March 14 – May 13, 1914]. M.; L., 1933. Pp. XX, 559 [in Russian].
- Mezhdunarodnye otnosheniya..., T. 4..., 1931** – *Mezhdunarodnye otnosheniya v epokhu imperializma: Dokumenty iz arhivov tsarskogo i vremennogo pravitel'stv 1878 – 1917 gg. Seriya III: 1914 – 1917 gg. T. 4: 28 iyunya – 22 iyulya 1914 goda* [International Relations in the Era of Imperialism: Documents from the Archives of the Tsarist and Provisional Governments of 1878 – 1917. Series III: 1914 – 1917 Vol. 4: June 28 – July 22, 1914]. M.; L., 1931. Pp. XVI, 423 [in Russian].
- Mezhdunarodnye otnosheniya..., T. 6..., 1935** – *Mezhdunarodnye otnosheniya v epokhu imperializma: Dokumenty iz arhivov tsarskogo i vremennogo pravitel'stv 1878 – 1917 gg. Seriya III: 1914 – 1917 gg. T. 6: 5 avgusta 1914 g. – 13 yanvarya 1915 g. Ch. 1* [International Relations in the Era of Imperialism: Documents from the Archives of the Tsarist and Provisional Governments of 1878 – 1917. Series III: 1914 – 1917 Vol. 6: August 5, 1914 – January 13, 1915, Part 1]. M.; L., 1935. Pp. XIX, 482 [in Russian].
- Mezhdunarodnye otnosheniya..., T. 7..., 1935** – *Mezhdunarodnye otnosheniya v epokhu imperializma: Dokumenty iz arhivov tsarskogo i vremennogo pravitel'stv 1878 – 1917 gg. Seriya III: 1914 – 1917 gg. T. 7: 14 yanvarya – 23 maya 1915 g. Ch. 2* [International Relations in the Era of Imperialism: Documents from the Archives of the Tsarist and Provisional Governments of 1878 – 1917. Series III: 1914 – 1917 Vol. 7: January 14 – May 23, 1915, Part 2]. M.; L., 1935. Pp. XIX, 482 [in Russian].
- Mezhdunarodnye otnosheniya..., T. 9..., 1937** – *Mezhdunarodnye otnosheniya v epokhu imperializma: Dokumenty iz arhivov tsarskogo i vremennogo pravitel'stv 1878 – 1917 gg. Seriya III: 1914 – 1917 gg. T. 9: 17 oktyabrya 1915 g. – 13 yanvarya 1916 g.* [International Relations in the Era of Imperialism: Documents from the Archives of the Tsarist and Provisional Governments of 1878 – 1917. Series III: 1914 – 1917 Vol. 9: October 17, 1915 – January 13, 1916]. M.; L., 1937. Pp. XXVIII, 882 [in Russian].
- Men'shikov, 1918** – *Menshikov P.N.* (1918). Severnaya Man'chzhuriya: S prilozheniem karty vsey Man'chzhurii: Otchet po komandirovke agentov Kommercheskoy chaste Kitayskoy Vostochnoy zheleznoy dorogi [North Manchuria: With the map of the whole of Manchuria: Report on business trips of agents of the Commercial Section of the Chinese Eastern Railway]. Harbin. pp. 646 [in Russian].
- Natsagdorzh, 2012** – *Natsagdorj Ts.B.* (2012). O pobege bargutov v Rossiyu v 1730 g. [On the escape of barguts to Russia in 1730]. *Kul'turnoe nasledie narodov Tsentral'noy Azii*, Issue 3, pp. 206-225 [in Russian].

Nol'de, 1915 – *Nolde B.E.* (1915). Mezhdunarodnoe polozhenie Mongolii [The international situation of Mongolia]. *Pravo. Ezhenedel'naya yuridicheskaya gazeta*, Nr 34, Stb. 2153-2168 [in Russian].

Ordynskaya, Kozyrenko, 2017 – *Ordynskaya Y.V., Kozyrenko N.E.* (2017). Etapy i metody kolonizatsii okruga Khulunbuir XVII – XIX vv. [Stages and methods of colonization of the Hulunbuir district of the XVII – XIX centuries]. *Problemy sovremennoy nauki i obrazovaniya*, Nr 4 (86), pp. 109-112 [in Russian].

Rech'..., 1914 – *Rech' Ministra Inostrannykh Del, proiznesennaya v obshchem sobranii Gosudarstvennoy Dumy 10 maya 1914 goda.* (1914). [Speech of the Minister of Foreign Affairs, delivered at the general meeting of the State Duma on May 10, 1914]. *Izvestiya Ministerstva inostrannykh del*, pp. 18-28 [in Russian].

Salogub, Kazantsev, 2015 – *Salogub Y.L., Kazantsev V.P.* (2015). Mezhdunarodnyy dogovor arendy territorii kak forma kolonial'noy ekspansii v Kitae na rubezhe XIX – XX vv. [International lease of territory as a form of colonial expansion in China at the turn of the XIX-XX centuries]. *Obschestvo i gosudarstvo v Kitae*, Nr 18-2, pp. 653-661 [in Russian].

Salogub, 2015 – *Salogub Y.L.* (2015). Organizatsionno-pravovye osnovy sozdaniya rossiyskoy administratsii i politsii v otkrytom kitayskom portu Inkou (1900 – 1904 gg.) [Organizational and legal basis for the establishment of the Russian administration and police in the open Chinese port of Yingkou (1900 – 1904)]. *Vestnik Sankt-Peterburgskoy Yuridicheskoy Akademii*, Nr 3 (28), pp. 46-49 [in Russian].

Sbornik..., 1914 – *Sbornik diplomaticheskikh dokumentov po Mongol'skomu voprosu (23 avgusta 1912 g. – 2 noyabrya 1913 g.)* [Collection of diplomatic documents on the Mongolian issue (August 23, 1912 – November 2, 1913)]. St. Petersburg, 1914. Pp. 91 (*Izvestiya Ministerstva Inostrannykh Del. Prilozhenie k kn. II, 1914*) [in Russian].

Tsybenov, 2017 – *Tsybenov B.D.* (2017). K izucheniyu istorii daurov Khulun-Buira (1911 – 1917 gg) [To the study of the history of the Hulun-Buir daurs (1911 – 1917)]. *Irkutskiy istoriko-ekonomicheskii ezhegodnik: 2017. Baykal'skiy gosudarstvennyy universitet, Regional'nyy tsentr nauchnykh issledovaniy ekonomicheskoy istorii Rossii*, pp. 201-210 [in Russian].

УДК 94(510.1)

Русская дипломатическая миссия в Пекине и ее роль в обеспечении интересов России при становлении государственности Барги (1912-1915 гг.)

Павел Николаевич Дудин ^{а, *}

^а Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления, Российская Федерация

Аннотация. С началом Синьхайской революции в октябре 1911 г. и распадом империи Цин на обширном пространстве Внутренней Азии стали возникать самопровозглашенные государства, одним из которых была Барга (Хулунбуир). На этот же период приходится относительная стабилизация положения России на Дальнем Востоке, сменившая неопределенность, вызванную проигрышем в русско-японской войне. Секретные соглашения между Россией и Японией определили положение Барги, равно как и Внешней Монголии, в сфере интересов нашего государства, однако новые китайские власти смотрели на эту ситуацию под другим углом. В связи с этим очень важное значение приобрела способность России проявить политическую волю и показать международному сообществу способность добиваться поставленной цели. Ведущая роль в этом процессе была возложена на дипломатическую миссию в Пекине, которую возглавлял В.Н. Крупенский. Именно от его воли, чувства долга и стремления любыми приемлемыми способами обеспечить интересы нашей страны зависел успех предпринятых шагов. Выработка и согласование позиции и условий, при которых Россия бралась за возвращение Барги под государственный суверенитет Китая, проявление мудрости и дальновидности во взаимодействии с министерством иностранных дел Российской империи, жесткости – во взаимодействии с представителями китайского внешнеполитического ведомства, гибкости – с новыми властями Барги позволили России укрепиться в регионе, защитить свои интересы и интересы своих подданных, продемонстрировать своим партнерам способность мирными средствами достигать результата. Обширная дипломатическая переписка позволяет сегодня широкому кругу ученых взглянуть на исследуемый процесс с другой стороны и показать всю сложность и драматизм политической обстановки, в которой русская дипломатическая миссия выполняла возложенные на нее задачи.

Ключевые слова: Восточная Азия, международный договор, Китай, Монголия, русская дипломатическая миссия в Пекине, стратегическое присутствие, безопасность России.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: dudin2pavel@gmail.com (П.Н. Дудин)